

НА ВЫСТАВКѢ: „МІРЪ ИСКУССТВА”.¹

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

[123]

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ закрылась послѣдняя выставка „Міра Искусства”. Многое измѣнилось. Многое потеряло свою притягательную силу, кажется скучнымъ и унылымъ рядомъ съ проявленіями свѣжихъ порывовъ. Въ растворенныя окна темныхъ, роскошныхъ и стильныхъ залъ ворвались лучи весенняго солнца съ дыханіемъ свободнаго вѣтра, съ звонкимъ щебетаніемъ птицъ. Пахнуло свежимъ разсвѣтомъ апрѣльскаго утра. Молодые дарованія внесли новыя краски, новыя тона, новую жнзнь.

Какъ душпстый цвѣтникъ—комнаты, гдѣ собраны посмертныя произведенія Борисова-Мусатова. Смутныя образы, неясныя очертанія въ дымкахъ то розовыхъ, то блѣдно-тающихъ золотистыхъ и лазоревыхъ. Тихая боль умиранія, упоеніе весенней радости, воздушность перламутровыхъ грёзъ— вотъ излюбленные мотивы творчества безвременно погибшаго художника. Соприкасаясь съ этими нѣжными образами, часто незаконченными, часто лишь намеками будущихъ созданій, сразу уясняешь себѣ, какое значеніе имѣеть Борисовъ-Мусатовъ для послѣдняго періода русской живописи, какіе горизонты имъ раскрыты и какія новыя области творчества нмъ иамѣчены. Видишь, что отъ него неминуемо берутъ начало многіе молодые художники, представленные здѣсь же.

И если выдѣлить художниковъ, объединенныхъ прежними выставками „Міра Искусства”, обособившихся въ законченную группу и идущихъ уже намѣченными и выяснившимися путями,—то молодые художники, отправляющіеся отъ Борисова-Мусатова п находящіеся подъ несомнѣннымъ его

---

¹ Н. Тароватый, «На выставке «Мир Искусства». Впечатления», *Золотое руно*, 1906, №3, 123-25.

влияніемъ, своими произведеніями создаютъ безусловно отличительную характерную черту настоящей выставки.

[124]

Ближе другихъ, къ Мусатову Павелъ Кузнецовъ. Пьянящая мечта зоветъ, за собой въ міръ воздушности и сквозныхъ очуртаній. Сновидѣнія въ лазури блѣдно-синихъ и матово-спокойныхъ тоновъ, дрожащіе неземные силуэты, прозрачные стебли мистическихъ цвѣтовъ, овѣянные утренними зорями,— и на всемъ дымка несказаннаго, постигаемаго лишь смутнымъ предчувствіемъ.

Въ основѣ творчества Кузнецова лежитъ тотъ же Мусатовскій романтизмъ, но у него онъ облеченъ въ болѣе пышные покровы личныхъ переживаній и современныхъ настроеній. Въ его произведеніяхъ индивидуализмъ торжествуетъ свою иаиболѣе решительную побѣду. Передъ его картинами забываешь вѣковѣчные догматы, протестующіе противъ столь рѣзкаго проявленія въ искусствѣ обособленнаго „Я”, и нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ этихъ увлекающихъ своей неясностью призраковъ...

Внутренно близокъ Мусатову и Василій Миліоти, такъ своеобразно претворившій въ себѣ духъ мусатовскаго творчества. Его миниатюры, помѣщенныя въ маленькихъ витринахъ, словно созданія ювелира, манятъ своей хрупкою красотою. Это рубиновыя, изумрудныя, аметистовыя сказки въ кружевной оправѣ изъ тончайшей паутины. Словно гдѣ-то и когда-то все это было наяву... и силишься вспомнить, съ мучительной радостью, но память бессильна, ибо эти сны не отъ здѣшняго міра. Нѣжныя, тонкія работы его обличаютъ въ Миліоти изысканнаго художника.

Послѣ него и Кузнецова невольно хочется сказать нѣсколько словъ о Луговской, художницѣ свѣтлыхъ и ясныхъ тоновъ, чье дарованіе невидимыми нитями такъ же связано съ творчествомъ Борисова-Мусатова. Основной мотивъ ея цѣломудренно-чистыхъ произведеній — дѣтская ясность и свѣтозарная

радость. „Столь невѣсты”, „Кровать” — плѣнительные образы, подкупающіе своей непосредственностью.

Родственной ей по творчеству является Линдеманъ, выступившая сравнительно очень недавно. Но на этотъ разъ въ ея произведеніяхъ чувствуется какое-то постороннее вліяніе, и послѣ ея „Гостиной”, появившейся на акварельной выставкѣ въ Москвѣ и проникнутой неподдѣльной искренностью чувства, это неприятно сказывается въ ея картинахъ излишней сухостью и манерностью. Изящнѣе другихъ—„На кругломъ диванѣ”, гдѣ влечетъ изысканность въ сочетаніи тоновъ. Лучшими изъ ея работъ все же являются прелестныя вышивки—цвѣты и гирлянды, небрежно брошенныя на нѣжныхъ шелкахъ, въ ласкающихъ сочетаніяхъ.

Отъ этихъ нѣжныхъ тоновъ глазъ переходитъ къ помѣтившимся рядомъ произведеніямъ Анисфельда, кажется впервые выступающаго на нашихъ выставкахъ. Въ общемъ его вещи хажутся слишкомъ примитивными по тонамъ. Однако двѣ-три картины нельзя не отмѣтить: это—„Буддійская Легенда”, „Весеннія Сумерки” и „Волшебный Садъ”. Въ нихъ дѣйстви-

[125]

тельно дана художникомъ какая-то сказочная роскошь нюансовъ. Изъ вещей Сапунова интересны декоративные эскизы, бывшіе на прошлогодней выставкѣ „Товарищества”, и красивый „Менуэтъ”, гдѣ въ эскизной манерѣ передано движеніе и смутный блескъ скользящихъ въ танцѣ фигуръ.

Феофилактовъ, до сихъ поръ являвшійся по характеру своего дарованія чистымъ графикомъ, выступилъ впервые съ двумя картинами въ масляныхъ краскахъ; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить „Гротъ”. Изъ графическихъ его работъ интересны листы къ альманаху „Сѣверные Цвѣты”

Отмѣтимъ далѣе два-три пейзажа Явленскаго, художника изъ группы импрессионистовъ, который на этотъ разъ страдаетъ излишней чернотой въ сравненіи съ его прошлогодними вещами, бывшими на выставкѣ Новаго

Общества.

Недурень маленькійт эскизь Ульянова „Принцесса”, предназначавшійся для театра „Студия”.

Вещи Ларионова — большіе и удачно исполненные ученическіе. этюды — и только. Въ извѣстной талантливости отказать ему нельзя, но слишкомъ рано торопится онъ появиться на всѣхъ выставкахъ, и притомъ почеи одновременно.

Чтобы закончить обзоръ наиболѣе извѣстныхъ молодыхъ, остается сказать о Н. Миліоти, выставившемъ цѣлый рядъ произведеній, многія изъ которыхъ положительно заслуживаютъ вниманія. Тона этого художника были бы очень нѣжны и мягки, если бы не излишняя сухость манеры, чего недѣзя не замѣтитъ внимательному взгляду. Если бы художнику удалось отдѣлаться отъ этой непріятной черты, его вещи выиграли бы чрезвычайно. Его творчество направлено на уловленіе свѣтовыхъ ощущеній, на половину живущихъ въ воображеніи, и почти нереальныхъ. Онъ упивается то нгромъ рѣющихся блѣдныхъ вуалей, осыпанныхъ нѣжными розами, то тревожными вспышками мистическихъ огней, то вакханаліями у пылающихъ костровъ на черныхъ обѣдняхъ.

Вотъ наиболѣе интересное, что дали молодые на этой выставкѣ.

Перейдемъ къ группѣ художниковъ, составлявшихъ ядро прежнихъ выставокъ „Міра Искусства”. Это—Сомовъ, А. Бензуа, Лансере, Бакстъ, Врубель, Билибинъ, Головинъ, Грабарь, Добужинскій, Коровинъ, Остроумова, Сѣровъ, Малявинъ и друг.

(Окончаніе въ № 4)

Н. Г а р о в а т ы й.